

DOI

УДК 141, 214, 123.2, 321.6

*С. В. Никоненко**

РАССЕЛ И БЕРДЯЕВ О МАРКСИЗМЕ, КОММУНИЗМЕ И СОВЕТСКОЙ РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

В статье проводится исследование и теоретическое сопоставление взглядов Б. Рассела и Н. Бердяева о России, русской революции, большевизме и его вождях, судьбах человечества, которые порой удивительно схожи. Основное сходство можно выделить, проведя компаративистский анализ двух трудов: «Практики и теории большевизма» Рассела и «Истоков и смысла русского коммунизма» Бердяева. Также привлекаются другие сочинения (в том числе труды Рассела, не переведенные на русский язык). Разбираются следующие проблемы: 1. Историческая необходимость коммунизма; 2. Миссия русской интеллигенции как революционного класса; 3. Религиозная сущность большевизма; 4. Оценка личностей Маркса и Ленина; 5. Критика коммунистической теории прогресса. Главное различие подходов Рассела и Бердяева заключается в том, что первый судит с позиций светского мировоззрения и принципов либерализма, тогда как второй придерживается религиозных позиций и выстраивает свою критику вокруг антропологии. В статье отмечается, что значительное количество схожих суждений и оценок позволяет бросить новый взгляд на единство исторического и политического дискурса русской и английской философии.

Ключевые слова: Рассел, Бердяев, русская революция, марксизм, коммунизм, религия.

Nikonenko S. V.

*RUSSELL AND BERDYAEV ON MARXISM, COMMUNISM AND SOVIET RUSSIA:
A COMPARATIVE STUDY*

The article deals with the study and comparative analysis of B. Russell's and N. Berdyaev's views on Russia and Russian revolution. Russell's «Practice and Theory of Bolshevism», Berdyaev's «Sources and Sense of Russian Communism» are studied in the article. Theoretical

* Никоненко Сергей Витальевич — доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета. serg_nikonenko@rambler.ru

** Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 20–011–00542 «Бертран Рассел в России: эволюция рецепций и современные дискурсы».

problems of this work are: 1. The historical necessity of Communism; 2. The mission of Russian intelligent people as a revolutionary class; 3. Religions essence of Bolshevism; 4. Marx's and Lenin's political portraits; 5. The criticism of communist theory of progress. Russell thinks as clerical and liberal philosopher. Berdyaev holds religious and anthropological view. However, they coincide in their opinions, so it may be supposed that Russian and British social and political discourses are sometimes similar.

Keywords: Russell, Berdyaev, Russian revolution, Marxism, Communism, religion.

В отечественной истории философии нечасто сопоставляются взгляды Бертрана Рассела и Николая Бердяева. И в самом деле: перед нами представители разных наций, носители разных философских и религиозных мировоззрений. Однако суждения этих мыслителей о России, русской революции, большевизме и его вождях, судьбах человечества порой удивительно схожи. Основное сходство можно выделить, проведя компаративистский анализ двух трудов: «Практики и теории большевизма» Рассела и «Истоков и смысла русского коммунизма» Бердяева. Сопоставляя мысли, высказанные в этих книгах, мы можем убедиться, что суждения философов не только схожи, но и поразительно тождественны, что, на наш взгляд, не должно остаться без исследовательского внимания. В чем причины того, что английский аналитический философ и русский религиозный философ, носитель логически и научно ориентированного мировоззрения и носитель антропологического христианского мировоззрения написали схожие строки о русском народе, о русской революции, о Ленине, об историческом материализме? Ответ на этот вопрос является предметом статьи; для чего привлекаются другие сочинения Бердяева и труды Рассела (в том числе не переведенные на русский язык).

1. НЕОБХОДИМОСТЬ КОММУНИЗМА

Рассел и Бердяев приходят практически к полному тождеству мнений, считая, что коммунизм был вызван к жизни объективными историческими причинами. Коммунизм — великая социально-политическая идея, вызревавшая долгие годы. Применительно к российской действительности идея коммунизма оказалась родственной некоторым глубинным чертам в характере русского народа.

Рассел воспринимает коммунизм двойственно. С одной стороны, коммунизм импонирует его левым взглядам. В нем заложена великая идея равенства, отсутствия угнетения, эксплуатации, классовых различий. С другой стороны, коммунизм — это *радикальная идея* и, к тому же, — это идея *утопическая*, предполагающая воинствующее насаждение по всему миру. Рассел пишет: «Я верю, что коммунизм необходим миру, верю также, что героизм России воспламенил человеческие надежды, а это очень важно для достижения коммунизма в будущем. Большевизм, если рассматривать его лишь как дерзновенную попытку, без которой конечный успех был бы просто невозможен, все равно заслуживает благодарности и восхищения всей прогрессивной части человечества» [10, с. 5].

В России идея коммунизма попала на благодатную почву ввиду двух причин. Во-первых, Россия долгие годы жила в условиях превратившегося в анах-

ронизм царского режима; а война и рабочее движение лишь способствовали коммунистическим чаяниям. Во-вторых, в России сложился значительный класс социально-демократической интеллигенции, из которой выделилась когорта профессиональных революционеров. «Большевистское мироощущение — продукт жестокости царского режима и мучительных лет великой войны, в результате которых разоренная и голодающая нация оказалась пораженной ненавистью, распространяемой уже на весь мир», — пишет Рассел [10, с. 100]. Посетив с визитом Советскую Россию в 1920 г., ужаснувшись увиденным реалиям жизни того времени, Рассел занимает лояльную, сочувственную позицию по отношению к советскому строю и правящей партии. «Даже при существующих условиях в России еще чувствуется влияние животворного духа коммунизма, духа созидательной надежды, поиска средств к уничтожению несправедливости, тирании, жадности — всего того, что мешает росту человеческого духа, стремлению заменить личную конкуренцию совместными действиями, отношения хозяина и раба — свободным сотрудничеством», — оптимистично судит Рассел [10, с. 106]. Отчетливо видя резкое несоответствие идеала и действительности, Рассел поддерживает программу советского правительства, направленную на скорейшее преодоление разрухи и восстановление экономики. А поскольку такая программа не только плод насущной необходимости, но и воплощение теории марксизма, Рассел выражает и теоретическую солидарность. «Что касается экономического понимания истории, оно мне кажется во многом верным и несомненно представляет собой важный вклад в развитие социологии», — отмечает Рассел [19, р. 190].

Бердяев также воспринимает идею коммунизма как исторически необходимый социальный идеал, благородную цель стремления человечества. В основных чертах, в трудах Бердяева можно найти суждения, совершенно схожие с вышеприведенными мыслями Рассела. На наш взгляд, Бердяев придает идее коммунизма некоторые славянофильские черты, что отсутствует у Рассела. Хотя коммунизм, по своему происхождению, западное, европейское учение, в исторических условиях России начала XX в. коммунизм мимикрирует, соприкоснувшись с «восточными» чертами русского народа. Поддерживая «скифские» идеи в литературе, Бердяев воспринимает революцию не только теоретически, но и поэтически: схоже с А. Блоком он видит в революции разгул стихии, апокалиптическое событие, падение не просто старого режима, но и старого мира. «Можно было бы сказать, что русский народ пал жертвой необъятности своей земли, своей природной стихийности», — пишет Бердяев [2, с. 8]. И далее отмечает: «Русский народ по своей душевной структуре народ восточный» [2, с. 7]. В восточные черты окрашивается и русский коммунизм. «Русский коммунизм есть коммунизм восточный. Влияние Запада в течение двух столетий не овладело русским народом», — считает Бердяев [2, с. 13].

К слову, Рассел, конечно, не связывает большевизм с «характером» русского народа, а также не противопоставляет Россию и Европу. Признавая значительные социально-политические отличия между Россией и странами Западной Европы, Рассел все-таки считает, что социал-демократическое движение не знает национальных границ. Бердяев же, наоборот, стремится показать, что «большевистские» черты присущи именно русским реформаторам.

К примеру, таким был Петр I. «В Петре были черты сходства с большевиками. Он и был большевик на троне», — отмечает Бердяев [3, с. 55]. Вне всякого сомнения, такое суждение Бердяева следует воспринимать не как фальсификацию истории, а как метафору: Бердяев стремится придать коммунизму всемирно-историческое значение, не знающее границ места и времени, наподобие того, как уже упомянутый Блок находил большевистские черты в герое римской истории Катилине. Нет никакой возможности избежать революций. «Революции глубоко присущи исторической судьбе народов. Можно удивляться, что существуют еще люди, которые идеализируют революции и готовы видеть в грядущих революциях торжество высокого и прекрасного. Революции, все революции, обнаруживают необыкновенную низость человеческой природы многих наряду с героизмом немногих. Революция — дитя рока, а не свободы», — пишет Бердяев [5, с. 350]. Вместе с тем, как и Рассел, Бердяев неоднократно подмечает «ложь» революции, ее утопический характер и обманчивую веру в скорое наступление земного рая.

Отметим, что теоретические суждения Рассела и Бердяева подкреплены и практикой их жизненных судеб. Ранний Бердяев считал себя марксистом, будучи в 1897 г. сослан за участие в студенческих беспорядках. Рассел всегда сочувствовал социал-демократам, читал лекции «Германская социал-демократия», неоднократно подвергался гонениям и преследованиям за свои левые и пацифистские взгляды. Ни Рассел, ни Бердяев не занимали враждебной позиции по отношению к революции и советскому строю, несмотря на то, что Рассела вскоре записали в ярые «антисоветчики», а Бердяева сначала арестовали в 1920 г., а затем выслали из России на «философском пароходе» в 1922 г. Можно допустить, что, не будучи марксистами и сторонниками коммунизма, оба рассматриваемых философа постоянно вынашивали в своем уме эти идеи.

2. РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КЛАСС

Несмотря на то, что официальная пропаганда трактовала Октябрьскую революцию, как восстание рабочих, крестьян, солдат и матросов, Рассел и Бердяев судили совершенно иначе. Оба мыслителя считали русскую революцию уделом деятельности радикального крыла интеллигенции, которая, консолидировавшись в несколько схожих по политической программе партий, свергнула царский режим, воспользовавшись фактором затяжной войны и бедственным положением народа.

Во время своего визита в Россию Рассел общался не только с политиками, но и с деятелями искусства. Философ подчеркивает крайне бедственное положение интеллигенции в 1920 г. «Однажды в Петрограде (как он тогда назывался) ко мне пришли четыре пугала — в лохмотьях, с двухнедельной щетиной, с грязными ногтями и спутанными волосами. Это были четыре наиболее замечательных поэта России», — отмечает Рассел (в числе упомянутых четырех человек был и А. Блок — С.Н.) [11, с.227]. Рассела глубоко возмутил наметившийся социальный раскол между творческой интеллигенцией и скла-

дывающейся номенклатурой, между художниками, учеными, с одной стороны, и «товарищами», с другой стороны. По Расселу, провозгласив всеобщее равенство, большевики установили архаический порядок, когда «классовое происхождение» воспринимается как сущность человека. «В этой стране, — пишет Рассел, — сын пролетария имеет преимущества по отношению к сыну буржуа, тогда как везде подобные привилегии признаны несправедливыми» [16, р. 204]. В своей главе, посвященной искусству в России, Рассел справедливо отмечает, что многие художники гораздо больше похожи на подлинных революционеров, нежели представители партийной верхушки. Нищие, недоедающие, они пишут картины, оформляют празднества, пишут стихи; но их бескорыстный труд остается без должного внимания со стороны государства. Тем самым, уже в 1920 г. Рассел предвидит все более углубляющийся раскол между партийным руководством и творческой интеллигенцией, постепенно приведший к скрытому противостоянию и диссидентскому движению.

Бердяев также воспринимает русскую интеллигенцию как особый идеологический класс, главным назначением которого является революция. «Интеллигенция была у нас идеологической, а не профессиональной и экономической группировкой, образовавшейся из разных социальных классов», — пишет Бердяев [2, с. 17]. Во втором фильме сериала «Государственная граница» («Беларусьфильм», 1980–1988) есть эпизод приезда на границу Ф. Дзержинского, который рассуждает о том, что для дела революции важны убеждения и поступки, а не происхождение (упомянув при этом князя Кропоткина и одного рабочего-provokatora). В какой-то степени Ленин, Дзержинский и другие большевики так считали на самом деле, но от Рассела и Бердяева не ускользнула совершенно иная действительность. Интеллигенция, по Бердяеву, — тоталитарный класс; и судит она тоталитарно. Как пример, можно привести суждение Л. Троцкого по поводу контрреволюционных выпадов З. Гиппиус. «Пожалуй, через сотню лет историк русской революции укажет пальцем, как гвоздевый сапог наступил на лирический мизинчик питерской барыни», — пишет Троцкий [13, с. 37].

Общей биографической особенностью молодости Рассела и Бердяева является значительное влияние философии Гегеля и последующий (почти одновременный) «бунт» против Гегеля (у Рассела в 1898 г., у Бердяева в 1901 г.). Характерно, что конфронтацию с учением Гегеля Бердяев относит к одной из главных причин, подготовивших революцию. «Против универсального духа истории восстал у нас Белинский в одно мгновение своего пути, восстал Достоевский, восстал Киркегардт, и должен восставать всякий сторонник персонализма», — подмечает Бердяев [5, с. 155]. Гегелевская философия истории освящает существующий социальный порядок и, вместе с тем, превращает человека в винтик, придаток социальной машины. «Бунт против Гегеля есть бунт во имя живой, человеческой личности, а борьба за живую человеческую личность превратилась в борьбу за социалистическое устройство общества. Так формулировалась характерная русская идея индивидуалистического социализма», — пишет Бердяев [2, с. 33]. Тем самым, социализм в России был подготовлен вовсе не только большевиками; русские поэты, писатели, критики внесли не меньший вклад в дело подготовки революции. Отметим также подмеченный Бердяевым индивидуалистический характер русского социализма.

3. РЕЛИГИОЗНАЯ СУТЬ БОЛЬШЕВИЗМА

Пожалуй, наиболее схожим положением в воззрениях Рассела и Бердяева является признание ими обоими религиозной сути русского большевизма. Провозгласив воинствующий атеизм, коммунистическое движение не ликвидирует, а, наоборот, муссирует религиозную потребность. Наступление эры коммунизма воспринимается с фанатизмом как закономерный конец истории, как эпоха всеобщего счастья; большевики проявляют подлинно религиозный аскетизм и подвижничество; насаждается культ «пророков» в лице Маркса, Энгельса и других представителей марксизма.

«Большевизм не просто политическая доктрина, он еще и религия с своими догмами и священными писаниями», — пишет Рассел [10, с. 7]. Большевизм несет с собой историческое пророчество; он обещает покончить с бедностью, угнетением, войной. Смысл суждений Рассела, конечно, не в том, чтобы доказать, что коммунизм — это религия, наряду с буддизмом и христианством, а в том, что коммунизм эксплуатирует религиозные *потребности* человека и базируется на *вере* в светлое будущее. «Надежды, которыми вдохновляется коммунизм, в большинстве своем столь же замечательны, как и надежды, возбуждаемые Нагорной проповедью; однако их придерживаются с таким же фанатизмом, и, похоже, они принесут столь же много зла», — отмечает Рассел [10, с. 9], подчеркивая общность социально-психологических механизмов коммунизма и христианства. В другом сочинении Рассел проводит еще более смелые аналогии. Он пишет: «Коммунизм в такой форме, какую он принял в России, является политической религией, аналогичной исламу. Однако он неизбежно подвержен влиянию византийской традиции; существует возможность того, что коммунистическая партия займет место церкви, оставив советскому правительству ту степень независимости от церковной власти, которой оно обладало до революции» [18, р. 17]. Рассел отмечает, что коммунизм обрел своих апостолов, мучеников и пророков, а официальная пропаганда, агитируя за безбожие, обожествляет ценности коммунизма. Подобные суждения Рассела конгениальны представлениям В. Розанова, который отмечает, что «русский мужик» столь же просто сменил веру в Бога на веру в коммунизм, как вымылся в бане. В. И. Антонов также подчеркивает религиозную трактовку коммунизма у Рассела. Он отмечает: «Рассела поражает то обстоятельство, что русский коммунист, или большевик (что одно и то же), одинаково не щадит себя и других. Обладание властью, контрольными функциями за снабжением жизненно необходимых продуктов не приводит его к зажиточности. Он ведет в абсолютном большинстве случаев аскетический образ жизни, который делает его еще более безжалостным. Рассел не без основания склоняется к мысли, что русский коммунист, беззаветно следуя учению Маркса о том, что коммунизм наступит по формационным законам истории с фатальной неизбежностью, свой (русский) характер и умонастроение невольно дополняет восточными (мусульманскими) чертами» [1, с. 272]. Аналогично интерпретирует Рассела А. С. Колесников, который пишет: «Рассел пишет об азиатской России, страдающей от религии большевизма. Тема религии проходит чуть не главной линией в повествовании, ибо положения диалектического материализма

сравниваются с заветами Библии, пролетариат — с «избранным народом», Маркс — с Иисусом, партия — с церковью, революция — с пришествием Мессии. Советскую республику Рассел сравнивал с республикой Платона, Красную Армию уподоблял кромвелевской Армии святых. Характеристика крестьян — невежи, интеллигенции — несознательная, страна не готова к прогрессу и т. д.» [8, с. 282]. Г. Уэллс, посетивший в том же 1920 г. Россию, подмечает, что у большевиков в первые годы советской власти не было сформулированной культурной программы. «Перед русским коммунистическим правительством наряду со множеством других созидательных проблем встала проблема, как сохранить науку, критическую мысль, как стимулировать развитие художественного творчества. Пророк Маркс и его Откровение не указывают никакого пути к этому. Поэтому большевики, не имея никакой определенной программы, вынуждены действовать наугад», — считает Уэллс [14, с. 47]. При этом английский писатель схоже с Расселом воспринимает Маркса как «пророка» нового «откровения».

Согласно Бердяеву, коммунизм также замещает вытесненные идеологией религиозные потребности. Мало того, коммунизм в России был подготовлен течением «христианского социализма», в рамках которого апокалиптические чаяния сочетались с богоискательством. К примеру, таких взглядов даже после революции придерживался приобретший значительное влияние Максим Горький, с которым встречался Рассел и был знаком Бердяев. Бердяев подчеркивает, что «в силу религиозно-догматического склада своей души русские всегда ортодоксы или еретики, раскольники, они апокалиптики или нигилисты» [2, с. 9]. В революции высвободились огромные ресурсы мессианской веры. При этом сам русский атеизм оказывается, по своей сути, религиозным феноменом, а гонения на религию проводятся ради насаждения новой веры, что особенно явно проявляется на уровне стремления насадить новую символику (серп и молот, красная звезда, красное знамя и т. д.). Причудливая смесь мессианской веры и воинствующего атеизма стоит на службе свойственных русскому народу эсхатологических чаяний. «У русских всегда есть жажда иной жизни, иного мира, всегда есть недовольство тем, что есть. Эсхатологическая устремленность принадлежит к структуре русской души», — пишет Бердяев [3, с. 217].

Таким образом, вера в коммунизм и воинствующий атеизм, как по Расселу, так и по Бердяеву, лишены здравого смысла и являются заблуждениями. Причем научный атеист Рассел и религиозный философ Бердяев с равной степени предостерегают от опасности неумеренного разрушительного рвения большевиков, имеющего под собой социально-психологические и религиозные корни.

4. ОЦЕНКА ЛИЧНОСТЕЙ МАРКСА И ЛЕНИНА

В суждениях Рассела и Бердяева значительное место уделяется изучению личностей, политических программ и теорий лидеров коммунистического движения — Маркса и Ленина. Во время своего визита в Россию Рассел имел длительный диалог с Лениным, некоторые детали которого он описал в книге «Практика и теория большевизма» и других работах. Исходя их текстов работ,

можно предположить, что у Рассела и Бердяева сложились очень схожие представления о личностях коммунистических вождей.

По Расселу, Ленин похож на Кромвеля; он бескорыстный подвижник, не преследующий никаких личных выходов, человек, преданный идее и ведущий аскетический образ жизни. «Его сила коренится, я думаю, в его честности, мужестве и непоколебимой вере — религиозной вере в евангелие от Маркса, которое занимает то же место, что и вера христианских мучеников в царстве небесное», — пишет Рассел о Ленине [10, с. 24]. Главной движущей силой Ленина Рассел считает вечное стремление к борьбе с царским режимом и буржуазным строем. «Когда царское правительство убило брата Ленина, это не превратило Ленина в циника, поскольку ненависть стимулировала всю его жизненную деятельность, в которой он преуспел» [12, с. 114]. Рассел подчеркивает, что Ленин в сложившейся политической ситуации применяет верные методы, сообразные с реалиями России (Рассел даже отмечает, что он, будь на месте Ленина, поступал таким же образом). Вместе с тем, Ленин для Рассела не только национальный герой русской истории, но и мечтатель, грезящий о мировой революции. По этому поводу И. Берлин подметил, что «Ленин <...> видел ценность революции в том, что она сломала во вражеской цепи слабое звено и послужила началом мировой революции, а не осталась фактом русской истории» [7, с. 420].

Рассел подчеркивает, что и Маркс, и Ленин были, прежде всего, фанатично настроенными политиками, что мешало им критически мыслить. Их сознание наполнено догмами, в которые они слепо верят. «Результат в том, что в России одна группа фанатиков чувствует абсолютную уверенность в определенном наборе сомнительных положений; тогда как в остальной части мира другая группа фанатиков чувствует равную уверенность в диаметрально противоположном наборе равно сомнительных положений», — отмечает Рассел [17, р. 17]. Характерно, что Ф. Ч. Коплстон, при резком расхождении с Расселом по вопросам религии, также воспринимает большевиков как религиозных фанатиков. «Основная причина, почему Ленин придерживался столь подрывной (partisan) позиции в философии, заключается в том, что он воспринимал диалектический материализм как философию революции» [15, р. 309]. Г. Уэллс, считающий Маркса пророком, допускающий резкие оценки Маркса, высоко ценит подвижничество Ленина. «Благодаря ему я понял, что коммунизм, несмотря на Маркса, все же таит в себе огромные созидательные возможности <...> Он, по крайней мере, видит преображенный, заново построенный мир, этот мир воплощенных замыслов» [14, с. 107]. Таким образом, Рассел не был одинок; ведущие английские интеллектуалы отчетливо видели профетические черты в личностях коммунистических вождей.

Оценки Бердяева столь же амбивалентны. Неоднократно высказывая восхищение по поводу Маркса и Ленина, Бердяев судит с религиозных и антропологических позиций. Лидеры большевиков — это титаны, но они апостолы зла, диктаторы и гонители. «Диктатура вытекала из всего мирозерцания Ленина, он даже строил свое мирозерцание в применении к диктатуре. Он утверждал диктатуру даже в философии, требуя диктатуры диалектического материализма над мыслью», — пишет Бердяев [2, с. 98]. Как мы видим,

Бердяев не питает никаких иллюзий относительно миссии Ленина, считая его вождем, авторитарным правителем и узурпатором. «Коммунистическое общество осуществляется не в силу качества людей, а в силу муштровки, принуждения, организации. Коммунистическая государственность у Ленина столь же авторитарна и автократична, как и монархическая государственность у Победоносцева», — отмечает Бердяев [2, с. 128]. Характерно, что Бердяев, в очень схожей с Расселом манере, подчеркивает, что Ленин и большевики, вопреки Марксу, поставили приоритет политики над экономикой (диктатура пролетариата, военный коммунизм и т. д.). Получается, что революция, совершающаяся «во имя» Маркса, развивается совершенно не по марксистскому сценарию. В своей «Философии в России» Ф. Ч. Коплстон вскрывает сложность отношений Бердяева к марксизму. «Поскольку марксисты жаждут человеческого освобождения, он — один из них; но сколь только он убедился в том, что марксизм привел к типу общества, который Достоевский описал в своей Легенде о Великом Инквизиторе, он перестал посещать марксистские кружки» [15, р. 372].

Тем самым, оценивая личность Ленина, Рассел и Бердяев усматривают в нем фанатично настроенного лидера, стремящегося насадить коммунизм любыми средствами. Различие состоит в том, что Рассел видит в облике Ленина светского человека, преисполненного религиозного мессианизма, тогда как Бердяев стремится вскрыть в Ленине антихристианское начало. В целом, оба мыслителя, не поддаваясь обаянию личности Ленина, видят в нем основателя нового тоталитарного государства.

5. ДОГМАТИЗМ И ПОСТРОЕНИЕ ОДНОПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ. КРИТИКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПРОГРЕССА

Переходим к заключительному разделу, в рамках которой мы разберем теоретические возражения Рассела и Бердяева против теории диалектического и исторического материализма, а также против идей научного коммунизма.

Ценность труда Рассела «Практика и теория большевизма» заключается в том, что Рассел уже в 1920 г. проницательно предвидел, что Россия движется по тоталитарному пути к жестокой диктатуре (к которой и оказался впоследствии сталинизм). В 1920 г., когда еще было значительно влияние местных советов, а Ленин и его окружение держались весьма демократично, такая тенденция была вовсе не очевидной. Во время визита Рассела в Россию проходили выборы в советы; и Рассел увидел на них вопиющие нарушения, обеспечивавшие победу правительственных кандидатов. Подметил Рассел и нарождающуюся советскую цензуру, хотя в то время еще многое можно было печатать довольно свободно. По мнению Рассела, правительство советской России вовсе не является «народным»; оно выражает интересы городского, рабочего населения и враждебно по отношению к крестьянству. Но и рабочий класс подвергается угнетению. Длинный рабочий день, запрет забастовок, армия шпионов делают жизнь советского человека трудной и тягостной. Наконец, Рассел подмечает,

что в России постепенно строится военно-полицейское государство, в котором все большую роль играет ВЧК, формируется мощная карательная машина. В скобках отметим, что в том же 1920 г. Бердяева арестовывают по делу так называемого Тактического центра; его допрашивает лично Дзержинский. И, хотя Бердяева отпускают, он становится окончательно и бесповоротно неблагонадежной персоной.

По Расселу, только первые годы после революции советская власть имела видимость демократии. Всё изменилось. «Правление Кромвеля было во многих отношениях подобно правлению Ленина: начав с защиты демократии и свободы, оно закончилось установлением отвратительной военной тирании», — отмечает Рассел [22, р. 10]. В статье «Почему я не коммунист?» Рассел высказывает следующее положение: коммунизм и человеческая свобода несовместимы. «Коммунизм ограничивает свободу, в особенности интеллектуальную свободу, в большей степени, чем любая другая система, за исключением фашизма», — считает он [20, р. 134]. В конце концов, за исключением подлинно народных выступлений 1905 и 1917 гг., русская революция не может считаться демократической; с самого начала она имела тенденцию к установлению диктатуры. «Я думаю, мы можем сказать, что справедливой революцией является революция, которая пользуется поддержкой большинства, в то время как несправедливая революция стремится установить тиранию меньшинства», — рассуждает Рассел [21, р. 10]. Надеясь на то, что большевики устанавливают не только диктатуру, но и тотальный идеологический контроль, Рассел конгениален суждениям Бердяева, восставшего против насаждения марксизма как «государственной» философии. «Советская философия есть государственная ортодоксальная философия, она обличает и отлучает еретиков», — подчеркивает Бердяев [2, с. 122]. В «Автобиографии» Рассел вспоминает, что на улицах Петрограда периодически раздавались выстрелы; при этом он предполагает, что это расстреливают идеалистов.

Марксистское учение, ставшее официальной идеологией в Советской России, Рассел считает формой крайнего догматизма, неоднократно сравнивая с различными проявлениями догматизма в теологии. Он пишет: «Догматический характер марксистского коммунизма усиливается наличием предполагаемого философского базиса доктрины; он приобрел характер незыблемой католической теологии, а не динамичной, не склонной принимать что-либо на веру современной науки» [10, с. 69]. Характерно, что Бердяев также разоблачает догматизм марксистов. С его точки зрения, Ленин и его окружение переняли гегелевский исторический фатализм. «У Гегеля история есть священная история. Мессианско-профетический характер философии истории определяется тем, что смысл истории зависит от неведомого грядущего», — пишет Бердяев [5, с. 260]. Вне всякого сомнения, лидеры партии большевиков, насаждая веру в светлое будущее, все больше и больше склоняются к тому, что это будущее следует насаждать по определенному, априорно созданному плану.

Неудача программы социализма приводят Рассела и Бердяева к скептицизму относительно идеи социального прогресса. Рассел неоднократно отмечает, что порядок, в котором личность приносится в жертву государственным интересам, — это порядок несправедливый. Бердяев склоняется к тому, что

социальный прогресс вообще невозможен. «В гуманистический прогресс больше верить нельзя. Идея прогресса была великой идеей гуманистического периода истории, а весь XIX век проникся иллюзией прогресса <...> История есть, поистине, — и в этом ее религиозное содержание — путь к иному миру», — пессимистично рассуждает Бердяев [4, с. 153–154].

Здесь между Расселом и Бердяевым намечаются некоторые расхождения. Общим является то, что оба мыслителя смотрят на историю с гуманистической точки зрения; главным фактором прогресса является прогресс интеллектуальный и нравственный, а также рост и укрепление демократических свобод. Однако Рассел рассуждает как представитель светского гуманизма. С его точки зрения, главным критерием прогресса выступает рост счастья и любви в жизни человека. В таком контексте Рассел не высказывает никакой программы о «смысле» истории; наоборот, он отрицает такой смысл. Последователь Рассела в политической философии К. Поппер судит в схожей манере, но более конкретно, нежели Рассел. «Существует ли ключ к истории? *Есть ли в истории какой-нибудь смысл?* <...> Я на поставленный вопрос отвечаю: *«История смысла не имеет»*», — пишет Поппер [9, с. 311].

Представители советского марксизма делали попытку доказать, что Рассел и Бердяев критикуют общие положения программы марксизма, не вдаваясь в теорию. Так, к примеру, А. Л. Андреев пишет: «В качестве критика доктринальных основ марксизма Бердяев несостоятелен. Чрезвычайно симпатично, что у него практически отсутствуют текстуальные разборы произведений Маркса, Энгельса, их учеников и последователей» [2, с. 176]. Практически в то же время, комментируя Рассела, В. С. Марков упрекает британского философа в дилетантизме: «Содержание второй части книги, специально предназначенной для разбора теории, как раз в этом отношении выглядит бедноватым: нет прямых ссылок ни на одну работу Маркса, Энгельса или Ленина» [10, с. 118]. Подобные обвинения несостоятельны. Во-первых, и Рассел, и Бердяев были прекрасно знакомы с трудами Маркса, Энгельса, Ленина и других марксистов. Во-вторых, критики сделали поспешные выводы, только исходя из отдельно взятых книг. Так, Бердяев подробно разбирает учение марксизма в труде «Царство Духа и царство Кесаря», а Рассел, в свою очередь, пишет большую главу «Маркс и Энгельс» в монографии «Свобода и организация» (при этом неоднократно цитируя классиков марксизма). Мы привели эти суждения, чтобы показать, что даже в эпоху перестройки агонизирующая советская идеологическая машина стремилась очернить и принизить как Рассела, так и Бердяева.

Как уже отмечалось выше, Рассел выступает сторонником гуманизма, ставя превыше всего благо человека. Ему вторит Бердяев; но он подводит под это учение христианское основание. По Бердяеву, смысл истории предначертан: это построение Царства Божия. «Лишь путь Богочеловечества и Богочеловека ведет к утверждению человека, человеческой личности и свободы», — считает Бердяев [3, с. 122]. С такими суждениями носитель светского гуманизма Рассел согласиться никак не мог.

В политической философии Рассел и Бердяев порой диаметрально расходятся, особенно в воззрениях на религию. Но, независимо друг от друга и разными путями два мыслителя пришли к схожим суждениям о марксизме,

коммунизме, революции, большевизме, личности Ленина и другим вопросам. В заключение выскажем следующее: сходство в политических суждениях Рассела и Бердяева настолько очевидно, что дальнейшее сопоставление взглядов английского и русского классиков философии представляется очень перспективным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов В. И. Бертран Рассел о постоктябрьской (большевистской) России и ее вождях // Сибирь в годы Великой Российской революции. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (к 100-летию революционных событий в России и периоду Гражданской войны и иностранной интервенции). — Улан-Удэ, 2017. С. 269–275.
2. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. — М.: Наука, 1990.
3. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX в. и начала XX в. // О России и русской философской культуре. — М.: Наука, 1990.
4. Бердяев Н. А. Смысл истории. — М.: Мысль, 1990.
5. Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. — М.: Республика, 1995.
6. Н.А. Бердяев: pro et contra, антология. Кн. 1. — СПб.: Изд-во Русского христианско-гуманитарного института, 1994.
7. Берлин И. Философия свободы. Европа. — М.: Новое литературное обозрение, 2001.
8. Колесников А. С. Бертран Рассел в России // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2020. Том 21. Выпуск 2. С. 275–288.
9. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. II. — М.: Международный фонд «Культурная инициатива», 1994.
10. Рассел Б. Практика и теория большевизма. — М.: Наука, 1991.
11. Рассел Б. Автобиография (фрагменты) // Метафизические исследования. Выпуск 5. Культура. — СПб.: Алетейя, 1998.
12. Рассел Б., Эйнштейн А. Этот безумный мир. «Сумасшедший я или все вокруг меня?» — М.: Родина, 2020.
13. Троцкий Л. Д. Литература и революция. — М.: Политиздат, 1991.
14. Уэллс Г. Россия во мгле. — М.: Прогресс, 1970.
15. Copleston F. C. Philosophy in Russia. — Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1986.
16. Russell B. Unpopular Essays. — London.: George Allen & Unwin Ltd, 1921.
17. Russell B. Free Thought and Official Propaganda. — London: Watts & Co, 1922.
18. Russell B. Education and Social Order. — London.: George Allen & Unwin Ltd, 1934.
19. Russell B. Freedom and Organization. — London.: George Allen & Unwin Ltd, 1934.
20. Russell B. Why I Am Not a Communist. — New York: Phoenix House Ltd., 1934.
21. Russell B. Future of Pacifism // The American Scholar. January. 1944.
22. Russell B. Came the Revolution // Saturday Review of Literature. March. 1950.